

Проверка

Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд.
Экклезиаст 11:9

- Je n'en ai rien à foutre¹. Я забыл тебя. Ты для меня ничего не значишь.

Увидев, как на ее сияющее лицо спускается серое облако и наполняются грустью глаза, он вдруг испытал злорадство. Холод заполнил его сердце. Вот сейчас он сделал проверку и ничего не почувствовал. Все безнадежно.

Они снова встретились в Париже, куда, как известно, ведут все дороги. Было ли это случайностью? Для нее – да, она увидела в этом знак судьбы. Для него – игра в рулетку. Пару недель назад она писала ему, что возвращается в Париж, но не указала ни точной даты приезда, ни названия гостиницы. Видимо, надеялась, что он ответит, и тогда она сообщит ему подробности и все уточнит, но он не стал, не любил банальностей и вписываться в чьи-то планы. Память у него была хорошая, он вдруг вспомнил об упомянутом ею как-то в разговоре одном из закутков Бельвиля², где она пару раз останавливалась. Подумал: а почему бы не испытать судьбу? Она по своей простоте ведь даже и не догадается, что он все ловко подстроил. Свободного времени в ту пору него было много, а интриги мало, по крайней мере, ему так казалось. Он прибыл заранее и, остановившись в дешевой гостинице в переулке неподалеку от метро Колонель Фабьен, стал терпеливо выжидать. Занять себя он мог совершенно без труда, коротая поздние вечера в компании пива и веселых студенток, с которыми легко знакомился за соседними столиками баров и бразери, перекинувшись парочкой фраз, и так же легко расставался.

Выходя их парикмахерской на углу, она увидела его и легонько вскрикнула. «Это ты? Ведь это... невозможно, просто невозможно!» Но увидев восторг и влюбленность в ее широко распахнутых голубых глазах, он вдруг понял, какой пустой бессмыслицей обернулась вся его затея. Сердце его не забило в ответ, он был обманут в своих ожиданиях, и это его до чертиков разозлило.

¹Плевал я на тебя (фр. вульг.)

²Район Парижа

Познакомились они месяцев семь назад в пляжном барчике одного из прибрежных городков неподалеку от Монпелье. Воображая себя нигилистом и общественным изгоем, он пристроил палатку в пещерке в Севеннахи выползал оттуда только иногда чтобы, оказавшись на побережье, потарахтеть за кружкой пива с отдыхающим народом. Его босая цыганская жизнь, начавшаяся лет пять назад, когда, покинув родной дом, он отправился в скитания по Европе и Азии, поразила ее воображение. Покручивая пальцами молодецкий ус, он с упоением напевал о природе Непала, лазурных водах филиппинских островов, диких обрядах Сулавези и добрейших жителей Ирана. Он молотл всякую чушь, пытаясь поддержать имидж бродяги-анархиста, в который так замечательно вписался, прекрасно понимая, как дурманит цыганская слава головы современным девицам, уставшим от скучных романов, предсказуемых бойфрендов и запланированной жизни в городских джунглях. Он убеждал ее в том, что человек – это животное, и в доказательство приводил книги Десмонда Морриса³. Он провоцировал ее скользкими фразами, таящими в себе болезненно-острый бесстыжий подтекст, который вгонял ее в краску и заставлял опускать глаза.

Он знал о ней совсем немного, да особо и не интересовался. Она не вписывалась в круг его потенциальных избранниц а-ля *open-minded*⁴ – молодых татуированных девиц, стильных, нахальных и надменных. Она была другой, странной, излишне чувствительной и романтической, из обычной жизни, в которой позади было два неудачных брака, неплохое образование и даже какая-то карьера. Вдобавок она была старше его лет на десять. Но самое главное, словно река Лета, между ними пролегал целый миллион лет, ведь по всем своим понятиям она была из тех модернистов старой закваски, которые жили традиционными ценностями и еще помнили жизнь без компьютеров, интернета и мобильных телефонов. Несмотря на присущие ей эрудицию, тонкий юмор и способность поддержать беседу одновременно на нескольких языках, она была мечтательной и старомодной, что вызывало у него только кривую улыбку и стыд. Но весь ужас заключался в том, что она ему нравилась, отчаянно нравилась: ее непохожесть на других, разговоры о литературе, о религии, философии, рисование, шахматы. Ее робость не к месту, неспособность выдержать его стремительный, самоуверенный взгляд почему-то делали его самого беззащитным перед нею. Под внешней бесцеремонностью он скрывал свой позорный страх того, что, появившись она рядом с ним, вот такая, ... он даже толком не мог объяснить себе,

³Десмонд Джон Моррис –английский зоолог и этолог и популяризатор науки, художник-сюрреалист. Получил широкую известность как автор популярной книги «Голая обезьяна» (1967), за которую подвергся резкой критике ученых-этологов.

⁴Здесь в контексте: свободных нравов (англ.)

какая«такая»но все равно боялся, что это вызовет недоумение в его привычном маргинальном кругу.

А тогда, в Монпелье, к его удивлению, все случилось молниеносно, как будто она уже была к этому готова. Он подумал, что эта легкая победа досталась ему благодаря освоенному им искусству соблазнения, хотя, скорее всего, эта простодушная женщина, устав от одиночества и бесплодных поисков, всего лишь отчаянно попыталась схватиться за иллюзию и поверить в то, что этот патлатый бунтарь с низким, трубным голосом – единственный, кто способен разбудить, обновить ее чувства и вдохнуть в ее жизнь любовь. Доверившись вслепую, она отдалась ему с неистовой страстью, как госпожа де Реналь⁵, как мадам Бовари⁶ и Анна Каренина, обрушив на него всю мощь своей недоласканной, истосковавшейся по любви души. Во время судорожной схватки их закружило и вихрем подняло куда-то наверх, ее губы шептали его имя, иногда ему казалось, что они оба теряют сознание, а заодно и рассудок. В этом бесконечном круговороте транса ей казалось, будто они уже когда-то были любовниками, но их жестоко разлучили, и вот теперь судьба снова свела их вместе, чтобы больше уже никогда не дать им расстаться.

И хотя эта многочасовая ненасытная игра двух шаманов могла продолжаться до бесконечности, в его сознание змеей прополз сигнал об опасности. Он понял, что эта нетребовательная, чуткая женщина представляет для него что ни на есть самую страшную угрозу, ведь, привыкнув к ее доброте, он может всерьез привязаться, а это никак не вписывалось в сценарий, который он уже себе мысленно сочинил о себе самом. В его волчьей жизни так не хватало ласки и тепла, а у этой женщины их было в избытке, но ему почему-то казалось, что он этого не вынесет. Отверженность и одиночество настолько прикипели к его душе, вошли в привычку, что ему уже было неловко расставаться с своими неизменными спутниками.

- Голова что-то побаливает, - признался он ей в ту ночь в перерыве между объятиями. Пива было выпито изрядно, и к утру оно, как морские волны, плескалось неприятными ощущениями под черепной коробкой. Она с готовностью взяла его голову, покрытую жесткими, как проволока, дредами. Прижав его макушку к своей груди, делая круговые движения большими пальцами, она медленно и ловко стала массировать ему лоб, виски, точки на подбородке и переносице. Руки оказались нежными, материнскими. Ее прикосновения были целебными и невинными, и его обдало волной какой-то

⁵Героиня романа Стендаля «Красное и черное»

⁶Героиня одноименного романа Гюстава Флобера

солнечной, детской радости. Время сжалось в одну точку и застыло на месте, и они вдруг оба почувствовали себя словно накрытыми колпаком настоящего момента. Там не было больше ни памяти, ни сознания, ни прошлого, ни будущего, все, что происходило – происходило именно здесь и сейчас. И ему вдруг захотелось остаться и пробыть в этом моменте целую вечность, чтобы эти руки уже никогда и никуда его не отпускали. Но внутри снова противно заворочался прежний страх, который нашептывал ему о том, что не нужно позволять себя втягивать ни в какие «серьезные отношения», и он отстранился.

- Ты слишком добрая. Слишком. Чересчур, – произнес он сурово.

Она ничего не сказала и лишь растерянно посмотрела на него.

Утром они уже шли по улице по направлению к остановке автобуса, он нес на плечах ее рюкзак. Она попыталась вложить свои горячие пальцы в его ладонь, но он вырвал свою руку, словно почувствовав ожог.

- Не влюбляйся в меня, слышишь? И писем мне не пиши, я не отвечу.– отчеканил он. – Я ни с кем не собираюсь всерьез, такое правило. Мне никто не нужен, понимаешь ты это или нет?

Она опять ничего не сказала, а только как-то по-старушечьи сгорбилась и молча уставилась перед собой стеклянным взглядом.

«Пора», - сказала она, глядя на исчезающий в автобусной двери хвост из пассажиров. Где-то глубоко внутри него защемило, и он вдруг почувствовал свое сиротство. Ему хотелось заплакать. Так было всегда в детстве, когда мама постоянно куда-то уезжала, оставляя его на попечение доброй бабушки. И вот теперь ему снова казалось, что его покидает самый дорогой, самый родной на свете человек, и что ее нужно во что бы то ни стало непременно задержать, остановить, что потом может быть слишком поздно. Ему захотелось ей крикнуть: «Никуда не уезжай! Мне будет плохо без тебя!», – но гордость и стыд щипцами сдавили горло, и он только крепко сжал ее в объятиях. Она вошла в автобус и через силу попыталась ему улыбнуться сквозь автобусное стекло; пытаясь его приободрить, помахала рукой. Он продолжал стоять без движения, как столб, вцепившись в нее взглядом своих теплых карих глаз. Со стороны могло показаться, будто он врос ногами в асфальт.

На протяжении семи месяцев, призывая на помощь очередную любовницу или девчонку-одноночку, он старательно пытался вырвать ее из памяти, растапывая еще теплящиеся угольки непрошенного чувства, которое его когда-то так испугало и чуть было не лишило контроля над самим собой. Он и не надеялся на то, что судьба подарит им встречу, но вот теперь она, живая, светящаяся и влюбленная, вся в утренних лучах весеннего солнца, стояла перед ним на парижском бульваре. Но как же странно: вместо

ответного чувства он в этот момент почему-то испытывал лишь злость и досаду, как будто бы только что проигрался в казино. Зачем он здесь? К чему все это? Что он тут делает, в этом захудалом районе Парижа? И что пытается себе доказать?

- Я так рада тебя видеть. Глазам своим не верю, просто чудо какое-то. – Было видно, как она волнуется. – А как ты узнал, что я остановлюсь именно в этом районе?

- Чистое совпадение, – он скривил губы в усмешке.

- Ну надо же, бывает такое!

Они отправились в ближайшее бразери. Говорили долго и обо всем. Сначала пили кофе, потом он заказал себе пива, затем второе. Она махнула рукой и тоже заказала себе пива. Он удивленно вскинул бровь и вытащил пачку сигарет.

- Можно и мне? – голос и взгляд ее были просящими.

- Ты ведь не куришь, насколько я помню?

- Не курю. А сегодня захотелось. Как ты – так и я.

Поворчав, он протянул ей сигарету. Они выкурили вместе целую пачку. Не отрывая от него своего взгляда, она продолжала тихо улыбаться. Ему снова стало неловко.

- Не смотри на меня как на бога, ладно?

Она смутилась и опустила глаза, но от этого легче ему не стало. Он понял, что все эти месяцы она думала о только о нем, попросту жила и дышала этим чувством. И в этот самый момент ему почему-то непременно захотелось уничтожить ее вместе с ее непрошенной любовью, которую он столько времени пытался удушить с помощью чужих объятий в чужих постелях. Его словно жгло изнутри, и тогда он, надев на себя маску развязности и безразличия, стал не к месту задираться, насмешничать, говорить пошлости, рассказывать циничные подробности о своих самых извращенных приключениях с самками всех возрастов и национальностей, одновременно удовлетворенно наблюдая за тем, как ее глаза становятся испуганными, как у затравленного зверька, и как она из последних сил сдерживается, чтобы не...

Чтобы не – что? И что бы она сделала, если бы в тот самый момент дала волю своим чувствам? Знала ли она сама? Пожалуй, она бы завопила как сирена, стоя посреди бульвара, и вот так бы стояла и вопила до тех пор, пока бы не приехала полиция. В глубине грудной клетки было такое чувство, словно бешеный маньяк наносит ей туда один за другим удары острым ножом. Дышать становилось все труднее. Глупая улыбка еще не успела сойти с ее лица, но сознание уже потихоньку отключалось. Она погружалась в какой-то сон, в липкий туман.

Наконец он встал со стула.

- Послушай, я не люблю тебя. И мы никогда не будем вместе.– швырнул он ей в лицо. – И вообще, оставь меня, наконец, в покое! Profites de ta jeunesse!⁷

Его голос вдруг сорвался на крик, ему хотелось, чтобы как можно больше людей услышали его последние слова. Несколько человек за соседними столиками обернулись и, тихонько перешептываясь между собой, уставились на странную пару. А он вытащил из кошелька двадцать евро, бросил скомканную бумажку на стол и зашагал прочь быстро, вперед, не оглядываясь.

Мартовское солнце отражалось в стеклянных витринах и слепило глаза, но в воздухе стояла прохлада. На деревьях набухли почки и их запах разливался тонкой струйкой повсюду, заползая в ноздри парижанам и дразня их обещаниями предстоящего любовного сезона. В природе зрели соки, готовые вот-вот прорваться наружу единым радостным, бурлящим потоком. Бельвиль продолжал жить своей жизнью. Вдоль бульвара, как солдаты на посту, несли службу пожилые китайские проститутки, которых в Бельвиле так легко можно узнать благодаря серым прыщеватым лицам и рабочей спецодежде – дешевым коротким юбкам из полиэстера, высоким ботфортам и двойной паре колготок, черных в сеточку поверх плотных телесного цвета, которые почему-то всегда так некрасиво морщатся на их опухших коротких ногах. Видимо из-за непривычки к европейскому климату китайские жрицы любви неизменно выбирают именно этот стиль одежды: так практичней, и к тому же во время работы помогает держать ноги в тепле. Шелестя длиннополыми плащами, смеясь и оживленно о чем-то споря, мимо пробежала стайка молодых хасидов в пейсах и черных шляпах. Вслед за ними, добродушно улыбаясь, раскачивающейся походкой протопал молодой африканец. На плече он нес бумбокс, который плевался звуками французского рэпа. А в центре бульвара раскинулся и жужжал щедрый бельвильский пятничный рынок, на котором уже всю сновал народ. Перебивая друг друга, торговцы-«магрибы» бойко зазывали прохожих зевак:

*-Bonjour, M'sieurs Dames! Attention: les oranges savoureuses ! Oui, elles sont bonnes, hein! Et tout bio! Un euro – deux kilos! Les melons, bien sucrés et parfumés ! Goûtez-les! Ab-so-lu-ment dé-li-cieu-ses! Mespoulets, ils sont beaux, mes poulets, qu'il sont beaux!*⁸

⁷Наслаждайся юностью! (фр.)

⁸Добрый день, господа и дамы! Обратите ваше внимание: вкусные апельсины! Ах, ну какие же они замечательные! Чистый экологический продукт! Два кило за евро! Сладкие, ароматные дыни! Попробуйте! Аб-со-лют-на-я вку-сня-ти-на! Курочки, мои прекрасные курочки, как же они прекрасны!

А он все шел и шел, не глядя по сторонам, устремляясь вперед, и так ни разу и не обернулся, пока, наконец, совсем не растворился в людском море утреннего Бельвиля.